

СЕМЯ СКОШЕННЫХ ТРАВ

МАКС ДАЛИН

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д15

Иллюстрация на переплете *NINJA JO*

Далин, Макс.
Д15 Семя скошенных трав / Макс Далин. — Москва : Эксмо, 2026. — 608 с.

ISBN 978-5-04-236067-1

Человечество победило в первой межзвездной войне. Вражеская цивилизация шедми стерта, их планета превращена в радиоактивный пепел. Триумф землян кажется полным и окончательным. Но однажды патрульный крейсер обнаруживает базу чужаков, на которой находятся эвакуированные из погибшего мира дети уничтоженной цивилизации...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макс Далин, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026
ISBN 978-5-04-236067-1

...Я слушаю наше дыханье...

И. Кормильцев

1. ЭВАКУАЦИЯ

...На пыльных тропинках далёких планет
Останутся наши следы...

Н. Добронравов

...Они испытывают нас, а мы испыты-
ваем их...

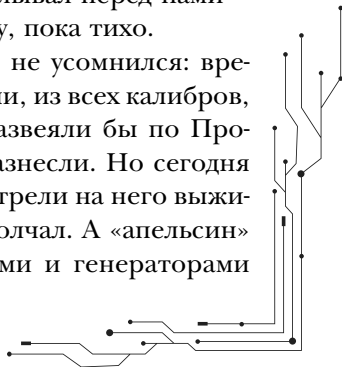
Н. Анисимов

САНЯ

Чужая станция в нашей оптике напоминала огромный апельсин, медленно плывущий в пространстве вокруг безымянной звезды, отличающейся от прочих лишь номером в каталоге. Жёлтый карлик. Её отсвет на керамилоновом борту станции — цвета надраенной меди — делал эту космическую крепость ещё больше похожей на апельсин, оранжевый и в еле заметных впадинках сенсоров. Все люки — и ангара, и стыковочных отсеков, и ракетных установок — шельмы задраили. Станция казалась законсервированной и брошенной, но наш бортовой компьютер фиксировал активность систем жизнеобеспечения — у них работал реактор и наверняка что-то ещё работало.

«Апельсин» неторопливо проплывал перед нами — а мы думали, не вмазать ли по нему, пока тихо.

Ещё неделю назад никто бы и не усомнился: вре-
зали бы в тот же момент, как засекли, из всех калибров,
дальнобойным, особо мощным, развеяли бы по Про-
стору эту сволочь, на атомы бы разнесли. Но сегодня
командир медлил, и канониры смотрели на него выжи-
дательно, но он не шевелился и молчал. А «апельсин»
не щетинился пусковыми пилонами и генераторами

силового поля — такой безопасный, словно вовсе и не собирався с нами воевать.

А может, уже и не собирався. Война, в сущности, закончилась.

С другой стороны, мира они не просили. И не капитулировали. Так что — всё равно враги. Притом, что их уже больше нет. Их цивилизации больше нет — кончилась.

Круто, да?

Мы победили — совсем, основательно, окончательно. Просто — уничтожили их поганое логово, саму планету, и всё, что у них там моталось на орбите, на спутниках, ясное дело, тоже не уцелело. Вышло роскошно. Конечно, боевая операция стоила нам почти десяти тысяч жизней, и техники мы там потеряли неисчислимо, зато с гадами покончено навсегда. Договариваться они не желали, перемирия не желали — ну, так они и не представляли, с кем связались.

Говорят, у них на планете были чудовищные склады супероружия. Какое-то особое вещество невероятной мощности. Может, это и правда, а может, байки: если у них было столько атомных зарядов, как эксперты по ВИДу говорили, то и супероружия не надо, и так сдетонировало. В пыль и радиоактивный пепел. Раскололи их поганый Шед на несколько частей. Теперь у них там, вокруг их звезды, — новые астероиды. Допрыгались.

Всё это началось, когда я ещё не родился. Наши встретили их в космосе. Шедми-шельмы — находка века, подумаешь. Но шуму было много. Года в три я сам играл с интерактивными фигурками шедми, модно было — родители мне и подарили. Фильмы, комиксы, передачи — всё это помню в невероятных количествах, про контакт там, про приключения в космосе... Ну как же. Сенсация! Гуманоиды! Принятые в Галактический Союз! Братья по разуму! Из любой дырки звучало — без разницы, был ли в той дырке динамик.

СЕМЯ СКОШЕННЫХ ТРАВ

Но наши быстро остыли. Братья что-то не рвались дружить абсолютно.

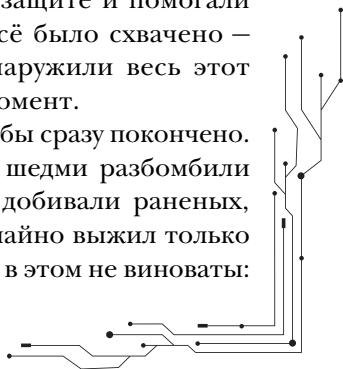
Ничего они о себе не рассказывали, наших к себе не звали, сами на Землю особо не совались. И вообще так себя поставили... оставьте, мол, нас в покое. Ну, максимум, еле-еле, на Шед пускали учёных — и основательно присматривали, чтоб те не узнали чего лишнего. Ещё тогда начались разговоры, что образ жизни у братцев — не особо, что они и к своим и к чужим совершенно беспощадны, практикуют ритуальные самоубийства и издеваются над детьми. Но это говорилось между делом, так, в рубрике «Обычаи экзотических миров». И осторожно, чтобы они не обиделись, если они вдруг смотрят наши передачи, что вряд ли.

А рухнула вся эта аккуратная дипломатия как раз в тот год, когда я окончил институт.

Шельмы нас долго тихо ненавидели — и в конце концов неожиданно атаковали нашу научную станцию на планете Океан-2. Без причин... вернее, причины, конечно, были: их отвращение к людям, которое и в мирное-то время им было тяжело скрывать. Я потом видел по ВИДу, как их пленные говорили, что люди — чума космоса, плесень, которую надо стереть, и всё такое. Некоторые — по-русски. Они готовили вторжение, вот что, и знали о нас гораздо больше, чем мы о них. Потом выяснилось, что якобы учёные-шедми, которые работали на Земле, на самом деле собирали сведения о нашей защите и помогали готовить это вторжение. У них всё было схвачено — и наши, лопухи доверчивые, обнаружили весь этот кошмар уже в самый последний момент.

И славно. Иначе с Землёй было бы сразу покончено.

Ту нашу станцию на Океане-2 шедми разбомбили в прах. Убили практически всех; добивали раненых, сожгли всё, что могло гореть. Случайно выжил только один из наших пилотов, но шельмы в этом не виноваты:

его орнитоптер упал в океан, наши потом сумели его засечь, подобрали умирающего.

Такого никто не ожидал. Земля содрогнулась. А они в это время нанесли второй удар — на Океане-3. Эти две колонии их интересовали прежде всего: шедми могут жить только у воды.

Так началась чудовищная война, которая длилась целых четыре наших года. С ужасными потерями: твари показали себя во всей красе. Оказались зверюги без признаков совести и жалости вообще. Свою жизнь не ценили ни в грош, а чужую — и подавно. И да, судя по тому, какие мы иногда получали записи, действительно ухитрялись измываться над собственными детьми даже в военное время.

В общем, будь они монстрами из старых двухмерных фантастических фильмов, теми, что заводятся у человека в животе, а потом прогрызаются наружу — и тогда война была бы менее страшной. До самой последней минуты было неясно, чем всё кончится. И наши ещё пытались что-то поправить, убедить тварей, даже пойти на уступки, но шедми всех этих попыток в упор не видели, только иногда, развлечения ради, убивали наших дипломатов.

В начале войны ещё говорили: шельмы могут получить помощь от Галактического Союза, но Союз от них отвернулся и, по-моему, правильно сделал. И так нам пришлось положить сотни тысяч жизней за победу... Но у них потери числятся миллиардами, так что получили они по справедливости. За всё зло, которое нам причинили. Гады.

И теперь-то войне, наверное, конец.

Но было не очень понятно, что делать с этими недобитками, которые вроде бы сидят и не барахтаются.

Оставить их в покое — это могло означать любые гадости потом. Нам только что сообщили, как с одного такого «апельсина» позавчера открыли огонь по

СЕМЯ СКОШЕННЫХ ТРАВ

патрульному крейсеру Земли — бой был нешуточный. А другой «апельсин», уже на наших глазах, взорвали они сами. Покончили с собой. Видно, жить не хотели после гибели планеты, а может, ресурс уже был на нуле — и прислать больше неоткуда. В плен шедми не сдавались из принципа.

Но, с другой стороны, взять их станцию целенькой — редкая радость. Практически никому из наших не удавалось. А вдруг?

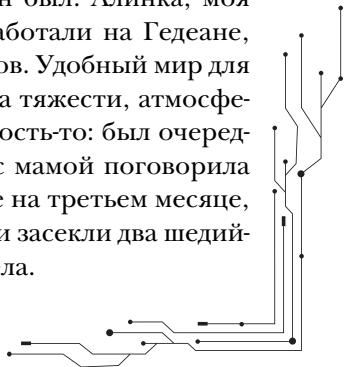
— Что будем делать, Антон? — спросил старпом.

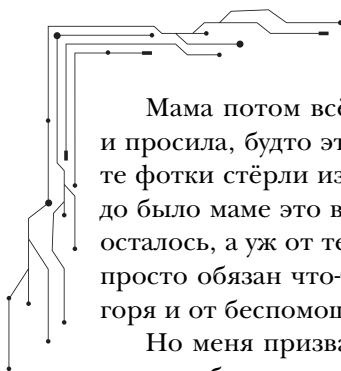
Капитан потёр подбородок, не отрывая взгляда от панорамы на мониторах слежения. «Апельсин» плыл молча и мирно, не делая никаких резких движений. Мы могли бы расстрелять его как мишень. Вправду необычно и на шельм вообще-то не похоже.

— Ладно, — сказал капитан, мотнув головой: принял решение. — Сближаемся помалу. Посмотрим, что он будет делать. У ракет — по местам стоять. Приготовить электромагнитные пушки. Активировать генераторы защитного поля. Слухачам — задействовать все сканирующие системы. Боевая готовность.

«Апельсин» в нашей оптике дрогнул и еле заметно отклонился вправо.

Я почувствовал, как у меня руки трясутся. Но посмотрел на них и ничего не увидел. Такая внутренняя нервная дрожь, от напряжения. Распсиховался некстати, хорошо ещё, что незаметно. Я ещё в самом начале войны просился в военный флот, должен был. Алинка, моя старшая сестра, и её муж Эрик работали на Гедее, там был наш посёлок терраформеров. Удобный мир для колонизации: магнитное поле, сила тяжести, атмосфера — всё подходящее... И ведь подлость-то: был очередной сеанс дальней связи, Алинка с мамой поговорила и проболталась по секрету, что уже на третьем месяце, а буквально сразу после сеанса наши засекли два шедийских ракетноносца. Помощь не успела.

Мама потом всё просила фотки показать, плакала и просила, будто это что-то изменило бы. Мы с отцом те фотки стёрли из нашей личной директории. Не надо было маме это видеть. От посёлка почти ничего не осталось, а уж от тел-то... В общем, я тогда решил, что просто обязан что-то сделать, чтобы не взбеситься от горя и от беспомощной злости. Отец не останавливал.

Но меня призвали только полгода назад, а на боевом корабле я оказался только после долгих тренировок на станции дальней связи, когда всем доказал, что могу работать в глубоком космосе. Это у меня ещё оказался талант — иначе не видать бы мне военного флота как ушей. Но всё равно меня вместе с пополнением при-
слали на этот ракетоносец буквально уже перед самой дракой за Шед. Я пока что видел бои только в записи — теперь меня и ужасало и восхищало, что сейчас может начаться настоящее сражение.

Восхищало моё участие.

Ужасало то, что сам я ни на что не влиял и ни защищаться, ни атаковать не мог. Сиди, ищи канал связи... пока жив. За тебя всё другие решат.

Все эти мысли у меня в голове промелькнули за секунду — и спустя эту самую секунду на пульте передо мной вспыхнул индикатор видеовызова по открытому каналу, стандартному, который с подачи Галактического Союза используют для связи все, кто вышел в космос. Программа «Эхо». Не соединяя, ясно кто.

Я даже вздрогнул.

— Антон Михайлович! — сказал я, кажется, чересчур эмоционально — то ли радостно, то ли перепуганно до неприличия. — Шельмец просит видеосеанс!

— Дай, — сказал капитан. Первый раз я увидел, как он удивился.

И понятно: невероятная же ситуация.

Я повернул верньер пальцами, которые вдруг стали ужасно неловкими.

СЕМЯ СКОШЕННЫХ ТРАВ

Перед нами возникла отличная голограмма. Даже завидно, какая у них была качественная аппаратура: шедми нарисовался так явственно, будто стоял в рубке.

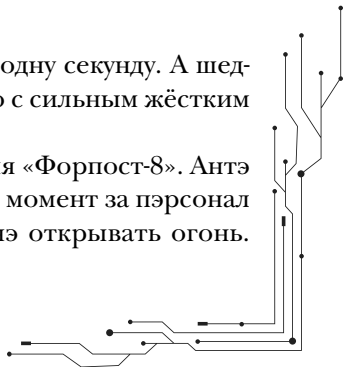
В первый раз в жизни я его так рассматривал. Громадный, в синей униформе с серебряным кантом — ростом со старпома, но шире в плечах и в груди. Я знал, что кровь у них синяя, и думал, что рожи синюшные, обычно на голограммах и фотках так и выглядело, но у этого мордovorот был серовато-бледный, а губы лиловые, как у замёрзшего. Клыки высоко торчали изо рта, будто у кабана-секача, длинные и ослепительно-белые. Глазищи поражали: чёрные, совсем чёрные, живая чернота во всю глазную орбиту, влажные и глубокие, в длинных мохнатых ресницах. Прямой немигающий взгляд, но мне показалось, что глаза не злые — скорее усталые и печальные. Короткий нос. Волосы, стального цвета, как тёмная седина, прямые, гладкие и тяжёлые, собраны в два длинных хвоста, хвосты свисают на грудь. Разрешение изображения настолько высокое, что можно разглядеть даже сегментированный панцирь крохотной твари, вросшей в кожу шедми под нижней губой: ножки через тонкий слой кожи чернеют, как сквозь матовое стекло.

Но шедми был, по чести сказать, не особо страшный и даже не особо отвратительный. Это меня слегка удивило: даже в лучшие времена, когда был контакт, они мне казались ого-го какими монстрами. Наверное, дело в том, что у этого какая-то мысль, что ли, читалась на морде. Разум.

Не как в кино.

Не знаю. Это всё подумалось в одну секунду. А шедми неожиданно сказал по-русски, но с сильным жёстким акцентом:

— Говорыт космическая станция «Форпост-8». Антэ Хыро, дэшифровщик. В настоящий момент за пёрсонал и пассажиров отвэчаю я. Прошу нэ открывать огонь. Здесь дэти.

— Что? — вырвалось у капитана.

Мы все смотрели и слушали как громом поражённые.

— Дэти, — повторил шельмец чётко. — Пят тысяч дэтей. Эвакуированные с Шеда. Сыроты.

Это было так невероятно... Мы ждали чего угодно. Мы ждали угроз, проклятий, сдачи в плен, уничтожения станции, боя, но пять тысяч сирот — это оказалось слишком.

Дети.

Обладеть.

Капитан дослушал до конца. Щурился. Может, прикидывал, врёт шельмец или говорит правду. Или — к чему это всё может привести.

— Что вы хотите, господин Хыро? — спросил капитан ледяным тоном.

Я понял, что он не верит.

— Я прошу вашей помощи, — сказал шедми. — Младенцам вредно долго прэбыват в анабиозных камерах. Подросткам тоже нэ полэзно. Это — военная станция после нэсколких боёв. Гравитация нэ стабильна. Рэактор фонит. Систэмы жизнеобеспечения нэнадёжны. Прошу вас нэ оставлят дэтей в космосе. Это — последние шедми.

— Я понял, господин Хыро, — сказал капитан, и его тон не стал теплее ни на градус. — Я подумаю. Ждите следующего сеанса связи. Вы поняли?

— Я понял, — сказал шедми с совершенно непроницаемой миной. Он так ни разу за разговор и не моргнул, и не опустил глаз. И ни один мускул на его мертвенной морде не дрогнул.

Голограмма мигнула и пропала.

Старпом длинно, фигурно выругался.

Капитан зажмурился и потёр переносицу.

— Чёрт бы их взял с их ублюдками, — пробормотал он. — Что ж нам делать-то теперь? Сиротки, мать их... Саня, передавай на Землю, шифром: «Ракетоносец

СЕМЯ СКОШЕННЫХ ТРАВ

“Святой Петр” — базе. Обнаружена военная станция Шеда. Персонал вышел на связь»... как бы сказать?.. Ну, давай: «По их уверению, на станции находятся пять тысяч детей из их мира. Запрашиваю указаний». Твою дивизию, подкинули подлянку... стой, это уже не надо!

Экспространственная волна идёт быстро. Наш командующий на Земле получил сообщение, и система известила, что он получил сообщение, но ответа мы ждали ужасно долго. И молча. Старпом ходил по рубке взад-вперёд, то и дело начинал вжикать застёжкой на нагрудном кармане — потом спохватывался, переставал, потом — снова... Капитан барабанил пальцами по пульта. Только канониры наблюдали за станцией в прицельной сетке и обменивались какими-то односложными комментариями, видимо, профессионально канонирскими, потому что я их не понимал. Я пытался слушать космос в паре светолет вокруг, но ничего не находил, кроме треска помех, создаваемых активностью местного солнца.

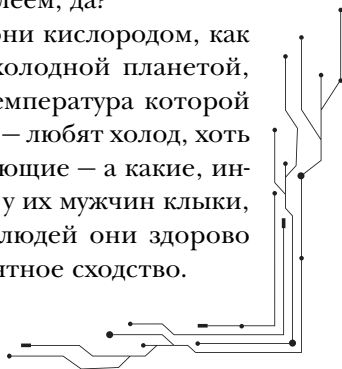
Со станцией «Форпост-8» никто не связывался.

Логично: ведь некому.

Я пытался представить себе этих детей. Сирот. Бедных деточек, чьи родители, глазом не моргнув, расстреливали наши безоружные базы в колонизированных мирах — где наши дети были. И беременные женщины. И ничего, не останавливало это шельм. Вот такие же у них были бесстрастные морды, когда они клали ракеты на цели.

Но мы — гуманные, мы — пожалеем, да?

Кровь у них синяя, но дышат они кислородом, как и мы. Говорят, Шед был очень холодной планетой, и шедми могут купаться в воде, температура которой приближается к нулю, да и вообще — любят холод, хоть и теплокровные. Но не млекопитающие — а какие, интересно? У их женщин нет грудей, у их мужчин клыки, как у кабанов, но, вообще-то, на людей они здорово похожи. Форма удобная, конвергентное сходство.

Гуманоиды. Братья по разуму.

Расплакаться над их горькой судьбой?

Интересно, мы все напряжённо ждали сигнала с Земли, но он всё равно пискнул, когда я на миг отвлёкся, и я чуть не подпрыгнул от неожиданности. Земля ответила шифрограммой: «До прибытия специалистов ничего не предпринимайте. От базы на 548-Ан-Эр-050 “Эльба” к вам вылетели представители КомКона и Этнографического общества. Исследовать станцию разрешаю только в их присутствии».

— Прекрасно, — сказал капитан зло. — Начали разводить антимонии и сопли сосать. Теперь будем тут ждать у моря погоды, а потом прилетят... голуби мира... ворковать и гадить...

— Не заводись, Антон, — тихо сказал старпом. — Пусть, в самом деле, комконовцы решают, это их дело. Тебе надо возиться с такой толпой выроdkов, а? Ты знаешь, что от них ждать?

— А кто вообще знает, что от них ждать? — сказал капитан. Он был очень раздражён, но держал себя в руках. — По мне, и взрослых и детей надо бы... В общем, нет Шеда — нет проблемы. А пока есть шельмы — и проблема есть. У всей Земли, мать их...

— Так ведь Шеда и нет, — негромко сказал канонир Стас, самый старший в экипаже и воевавший дольше всех. Он носил нашивки за ГЦ-471-зет, за Плутон и за караван, который ещё в самом начале войны сопровождал к нашей базе на Незабудке. Какая там была заваруха — он избегал распространяться; я только знал, что с тех пор у него треть костей распечатана и пересажена. — Что мы, фашисты — открывать огонь, заведомо зная, что там их детёныши?

В последнее время ВИД постоянно держал в «горячо рекомендуемом» плоскую и чёрно-белую хронику почти двухсотлетней давности. Напоминал, что с нелюдьми мы уже воевали, победили — ну и сейчас справимся.

СЕМЯ СКОШЕННЫХ ТРАВ

Только они назывались «нацисты», Стас перепутал, — наверное, от напряжения и усталости. Я не посмел поправить.

— Заведомо? — старпом поднял бровь.

С ходу поверить шельме — это додуматься нужно. Но Стас — святой человек, всем известно.

— Связываться с ними не надо было, — сказал второй канонир, Арман, молодой, чуть старше меня. — Теперь-то — конечно, а вот врезали бы сразу...

Капитан вздохнул, сдерживая раздражение: он был согласен с Арманом. И я был согласен с Арманом. Им с капитаном в этой войне досталось больше всех в рубке. У капитана погибли сыновья, оба, вместе с нашим крейсером «Справедливый», взорванным ещё в первых боях, а Арман потерял всю семью, работавшую на уничтоженной станции связи в районе системы Т-897-омега — на Земле по этому поводу был объявлен трёхдневный траур. Как он вообще умудрился удержать себя в руках, а не всадить ракету сразу — даже понять тяжело. Дисциплина, да. Но я бы на его месте...

— Дети, — почти шёпотом сказал Стас. — Дети же.

Ясное дело. Он одинокий. Всю жизнь болтался по космосу, чужих детей спасал — своих не завёл. И рана у него в душе на этом месте, ничего не сделаешь.

— Дети, — кивнул капитан. — Не спорю. Допустим. Но в осином гнезде, знаешь, тоже дети. Только не человеческие. И вырастут из них осы. Состоящие главным образом из жала. Пожалеешь?

Стас отвернулся и принялся что-то поправлять в прицельной сетке.

— Что ж Землю вызвали, капитан? — спросил Арман. — Ответственность на себя решили не брать?

Капитан промолчал.

«Апельсин» плыл перед нами тихо-тихо, и тень нашего ракетноносца на нём превратила его в луну, убывающую на четверть.

